

И. Грекова

Под фонарем

ФТМ

И. Грекова
Под фонарем

«ФТМ»

1963

Грекова И.

Под фонарем / И. Грекова — «ФТМ», 1963

«На улице было холодно – мчащийся угольно-черный осенний вечер. Резкий ветер налетал то с одной стороны, то с другой, швырялся пучками опавших листьев и каплями дождя. А фонарь на своей проволоке мотался назад и вперед, как сумасшедший. За фонарем по тротуару так же оголтело мотались черные тени. От ветра на улице все казалось в движении, все было сдвинуто, несло, даже стены домов были как будто наклонными...»

© Грекова И., 1963

© ФТМ, 1963

И. Грекова Под фонарем

На улице было холодно – мчащийся угольно-черный осенний вечер. Резкий ветер налетал то с одной стороны, то с другой, швырялся пучками опавших листьев и каплями дождя. А фонарь на своей проволоке мотался взад и вперед, как сумасшедший. За фонарем по тротуару так же оголтело мотались черные тени. От ветра на улице все казалось в движении, все было сдвинуто, неслось, даже стены домов были как будто наклонными.

На углу стояли двое – мужчина и женщина. Он – высокий, без шапки, с резкими скулами на худом обветренном лице. Ветер гнал и кидал его прямые белокурые волосы. В прыгающем свете фонаря на его лице все время возникали и пропадали подвижные угловатые тени.

Женщина была не очень заметная, брюнетка, с белым шелковым платочком на растрепанных волосах. Платочек на ветру порхал, вздувался, пряди волос летели и перекидывались с одной стороны на другую. На лице вспыхивали и гасли прозрачные капли дождя.

Он держал ее за руку и смотрел ей в лицо сверху вниз, и она отвечала ему взглядом в лицо – снизу вверх. В меняющихся тенях глаза на его лице были для нее почти страшны своей выразительностью. Словно они не могли сдержать напора изнутри, сдались, сдвинулись, поплыли, стали не в фокусе. Глядя в эти глаза, она чувствовала в себе топкую боль, вроде той, что бывает в лифте, идущем вниз, сразу после того, как нажмешь кнопку.

Она что-то сказала. Ветер рывком унес начало фразы, он услышал только конец:

– ...подумайте, восемь лет разницы.

– А это мне все равно, – жестко сказал он и поглядел в землю. И сразу лицо и глаза стали жесткими, вернулись в фокус. Он потоптал ногой желтый разлапый кленовый лист и повторил: – А мне все равно.

– Завтра я вам все скажу, завтра. А теперь мне пора идти. Пожалуйста... до завтра.

Она взялась за ручку двери. Он нагнулся и поцеловал ее не в рот и не в щеку, где-то рядом с губами. Губы были сразу холодные и теплые, с каплями дождя. Она вошла в дверь.

Татьяна Васильевна поднялась по лестнице, открыла сначала общую дверь одним ключом, потом свою собственную – другим.

В дремучей коммунальной – бывшей барской – квартире у нее были две комнаты, две почти отдельные комнаты: маленькая квартира в большой. Комнаты в свое время сделали из одной бывшей гостиной, разделили перегородкой, и каждой комнате досталось по одному окну и по половине пышной лепной розетки, в центре которой когда-то висела люстра. Получилось ничего, удалось даже выкроить небольшой тамбур – переднюю. Только уж очень – не по размеру комнат – высоки были потолки. Мальчики в детстве говорили: "У нас комнаты выше, чем длиннее".

В передней она сняла и отряхнула плащ, платочек. Тихо. В маленькой квартире никого не было. Да в этот поздний час спали все и в большой квартире: никто не мылся в ванной, не топал по коридору. Только электрический счетчик над дверью мурлыкал, отсчитывая свое время энергию.

Она немного помедлила, постояла в передней, тронула пальцами то место около губ, куда ее только что поцеловали. Поцелуй был странный какой-то, не в рот и не в щеку, а туда и сюда сразу. Она вспомнила и снова ощутила то лифтовое чувство – не понять, хорошо оно или больно. Нет, сейчас этого нельзя. Нужно думать. Завтра нужно что-то сказать ему.

В квартире совсем пусто и тихо, никто не мешает думать. Дети разъехались. Катя – на практике, Толя и Воля – на картошке. Она зажгла настольную лампу и села, взяв карандаш. Привычка думать с чем-нибудь в руках. Вот так. Кончился сумасшедший день – с ветром, летящими листьями, прыгающим фонарем. Как все неслось, захлебывалось, когда они шли

в свою бесконечную прогулку. По улицам, бульварам, пахнувшим землей. Пахнувшим палыми листьями. По набережным, где огни были вколочены в воду, как длинные золотые гвозди. Шли и дошли, и она ушла к себе. Ушла, чтобы думать.

Вот она у себя дома. Эти две комнаты, маленькая квартира в большой – ее дом. Много лет, ничего не скажешь, много лет. Здесь, в этих двух комнатах, выросли дети, стали людьми. В комнатах не очень уютно, не очень чисто. Почти у всех знакомых – "у людей" – чище, уютнее. Как это говорится в романах: "Всюду чувствовалась заботливая женская рука". А здесь не чувствуется. Разве она – хозяйка? Уже давно она – глава семьи. Глава семьи и хозяйка в одном лице. А бывает два настоящих лица в одном? В книгах бывает, в жизни – нет.

Татьяна Васильевна работала как мужчина, а боролась с бытом – как женщина. Трудно сказать, где было труднее, – пожалуй, все-таки быт. Свою научную работу она любила без размышлений, без деклараций – просто любила. Обтертая лямка. Не так уж часты были великолепные минуты успеха, когда догадка о том "почему так" внезапно и чудесно осветит темную путаницу фактов. Гораздо больше она знала терпеливые научные будни, самые прозаические из будней, когда ничто не блещет, все – прилежание, а внутри потихоньку, как вода подо льдом, бормочет и трудится мысль. Время было нарасхват – лекции, статьи, конференции, лаборатория. Лаборатория важнее всего – свое детище. Так и жила. Чего-то, говорят, достигла. Дети выросли как-то между делом – хорошие дети... А вот квартиру не вылизывала, нет. Делала только самое необходимое, чтобы не зарастить грязью. Впрочем, всегда хотелось, чтобы было все как у людей. Тоска по благообразию. В иной воскресный день Татьяна Васильевна, в лабораторной спецовке, с ведром и тряпкой, чувствуя себя воительницей, принималась за уборку. В такие дни дети говорили: "Воскресная мать – кошмар, скорей бы понедельник". И она сама больше любила понедельник. А главное, все было ни к чему. Уборка стоила огромных трудов, но ее следы исчезали слишком быстро. Через два-три дня снова откуда-то выползали полчища книг, предметов одежды, радиодеталей – и расселялись в квартире по-своему. Мебель была старая, когда-то хорошая, но теперь она пришла в упадок. Толя называл эту мебель "блеск и нищета куртизанок". Особенно в этом году она как-то сразу стала разваливаться. Воля чертил на обеденном столе – старинный стол красного дерева, и вдруг он под его локтем рассыпался. Воля ругался, а Толя, как всегда, иронизировал, потом оба вместе, толкаясь и перебраиваясь, скрепили ножки стола обыкновенной доской. Были разговоры "хорошо бы позвать краснодеревца", но из стадии разговоров не вышли. Стол так и стоит до сих пор с сосновой доской между ногами красного дерева. А вот мягкую мебель – диван и два кресла – в прошлом году обили. Татьяна Васильевна очень гордилась: она обила мебель, у нее как у людей. Был приглашен по рекомендации старик обойщик. Две недели он царил в квартире: сорил, курил, пел песни, а на третью неделю запил и пропал. Татьяна Васильевна ездила к нему, унижалась, задабривала, чуть ли не насильно привезла его, пьяного, и он заснул на развороченном диване. Да, много всего было, пока наконец диван и кресла не устали по местам в своей новой нарядной одежде. Они стояли красиво и послушно, как хорошо воспитанные дети, и каждый раз, приходя с работы, Татьяна Васильевна радовалась на них. Она даже начала подумывать о новых хозяйственных подвигах, например ликвидировать все барахло. Барахла накопилось невероятно много. Ужаснее всего были книги. Они словно размножились сами собой. Они были всюду: большие и маленькие, переплетенные и мягкие, старые и новые. В сущности, настоящими жильцами квартиры были книги, а люди только так. На манер чеховских сестер, мечтавших о несбыточной Москве, Татьяна Васильевна мечтала разобрать книги и позвать букиниста. Иногда она даже принималась за дело и привлекала детей. Ничего из этого не выходило. Кончалось всегда тем, что из-под спуда появлялись какие-то диковинные, давно забытые книги и не заглянуть в них было попросту невозможно. Что же, вместо разбора книг получалось, как они говорили, "изба-читальня". Вся семья, сидя среди развороченных книжных груд, с упоением читала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.